

© 1994 г. МОЛДОВАН А. М.

КРИТЕРИИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДОВ

Интерес к этой проблеме определяется, как известно, преобладанием переводных памятников в древнем книжном репертуаре православных славян. Помимо переводов кирилло-мефодиевской эпохи, общий фонд древнеславянской письменности составляют более поздние южнославянские переводы, особенно активно создававшиеся в эпоху болгарского царя Симеона, отчасти западнославянские, а также, по-видимому, значительная часть восточнославянских переводов, начало которых летопись связывает с просветительской деятельностью Ярослава Мудрого¹.

Исследования по истории славянских литературных языков немало выиграли бы от привлечения столь огромного материала для изучения формирования региональных изводов древнеславянского языка, если бы этому не препятствовали анонимность подавляющего большинства переводов и отсутствие каких-либо указаний на их территориальную принадлежность. При невозможности опереться на экстралингвистические данные, попытки использования лингвистической методики в локализации переводных памятников нередко похожи на решение уравнения со многими неизвестными, поскольку факты, относящиеся к территориальным разновидностям древнеславянского языка, являются величинами чаще искомыми, чем известными.

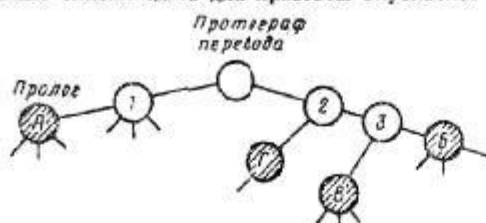
Проблема впервые была поставлена А. И. Соболевским в его докладе 1883 г. «Особенности русских переводов домонгольского периода» ([4. С. 162—177]; то же: [5. С. 134—147]). А. И. Соболевский отмечал, что, поскольку, с одной стороны, славянские переводчики, независимо от своего происхождения, достаточно хорошо знали «главные церковнославянские звуковые и формальные особенности», а с другой стороны, позднейшие переписчики легко подчиняли фонетико-орфографические и морфологические особенности оригинала своим собственным орфографическим и грамматическим навыкам, следует воздерживаться от использования этих данных в качестве определяющих при локализации перевода [4. С. 136]. Собственно, это понимали и предшественники А. И. Соболевского, особенно много занимавшийся сопоставительным анализом списков И. И. Срезневский, исходивший в своих предположениях о происхождении того или иного перевода в основном из его словарного материала [6]. Развивая эту традицию, А. И. Соболевский определил три группы слов, которые могут указывать на место, где был выполнен перевод:

Молдован Александр Михайлович — канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка РАН.

¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 152. См. [1. С. 67—70, 84; 2. Р. 59—60]; также об этом [3. Р. 251—264].

могут быть изображены следующим образом (более частные текстологические группы и конкретные списки здесь для простоты опускаем).

Заштрихованными кружками на схеме обозначены редакции текста, т. е. этапы его сознательной переработки. В частности, А — это Проложная редакция, включающая 11 статей из ЖАЮ. Во всех списках этой редакции обнаруживаются замены, отражающие развитие грамматических средств языка и, очевидно, принадлежавшие протографу Пролог., созданному до середины XII в. (*реклъ* вместо *всть рекль*, *всть* вместо *было всть*, *вистающься* вместо *виставаща*, и др.). Это дает определенные основания относить рассматриваемый перевод ЖАЮ к XI в. [20].

Кружки с цифрами — это гипотетические списки, лежащие в основе текстологических групп списков.

Появляется, таким образом, возможность классифицировать лексические данные списков ЖАЮ по степени их близости к тексту протографа перевода. За единицу сравнения при этом принимаются уже не отдельные списки, а их текстологические группы («ветви») и редакции памятника.

Значение полученного результата состоит прежде всего в том, что на его основании все совпадающие, общие чтения архетипов двух древнейших текстологических ветвей, обозначенных на схеме цифрами 1 и 2, могут быть с уверенностью отнесены к оригинальному тексту протографа перевода и использованы в качестве аутентичных для определения места создания перевода.

При этом для отнесения того или иного слова к протографу совсем не обязательно, чтобы оно сохранилось во всех списках. Важно только, чтобы оно встретилось в списках обеих противопоставленных друг другу текстологических ветвей 1 и 2. Например, если в списках, относящихся к ветви 1 и редакциям Б и Г, написано *лобза свѣтлымъ лобзаниемъ*, значит и в протографе было такое чтение, а написание — *цѣловахъ свѣтлымъ цѣлованиемъ*, встречающееся в списках редакции В, должно рассматриваться в качестве более позднего.

Подобным образом чтения, встретившиеся только в мелких (не показанных на схеме) текстологических группах или отдельных списках, принадлежат, если им противопоставлены другие общие чтения остальных групп и редакций, ко времени появления соответствующих групп или списков и не имеют ничего общего с протографом.

Трудности остаются при рассмотрении крайне незначительного количества альтернативных, «конкурирующих» чтений двух древнейших ветвей 1 и 2 в тех случаях, когда их отношения имеют синонимический характер (несколько парных соответствий типа *годитисѧ* — *клячютисѧ*, *клядуть* — *глаголати*, *задосити* — *зашти*). Гораздо чаще, однако, замены в этих двух древнейших ветвях связаны с переосмыслением исходного текста, и тогда принадлежность одного из них к протографу перевода может быть обоснована при обращении к греческому тексту. Например, по отношению к чтению *бѣ во бышше нележа ранами* вариант ... *неложными ранами* является явно вторичным, так как в оригинале — *ὁ γὰρ βεδξ ε'η' ἀληθείας τοῦτοξ ἐτοφε δαρμῖ*⁴; в обороте *се славному оцю рекшию*

⁴ Греческие соответствия приводятся по рукописи Баварской национальной библиотеки Мюнхена, XIV в.

вариант ... *стцю...* является также вторичным, так как в греческом тексте — *λατρός*. Исключение повтора в предложении *и будетъ бу съсудь избранъ избранъ* и *стѣ* указывает на вмешательство редактора, так как в оригинале — *αειδὸς ἐδοξῆς βλεπτὸν ἄρον*.

В итоге от аутентичных чтений древнерусского перевода ЖАЮ могут быть отделены как не имеющие отношения к протографу варианты чтения отдельных списков, редакций и текстологических групп, принадлежащие более поздним этапам рукописной традиции памятника. На основании текстологических данных эти варианты чтения удается расположить в хронологическом порядке, что создает предпосылки для разработки типологии лексических замен в списках аналогичного содержания.

Поскольку лексические замены возникают всегда вследствие несоответствия того или иного слова языковым представлениям писца (который в данном случае выступает как редактор), сам факт замены⁵ является лингвистическим сигналом указывающим на изменения в языковой среде, в которой оказался переписываемый текст. Эти изменения могут быть связаны с перемещением текста в пространстве (импорт рукописи из одной области славянского мира в другую) и во времени (копирование древней рукописи в более позднее время). В первом случае отношения взаимозаменяемых слов — заменяемого и заменяющего — определяются различиями территориальных разновидностей церковнославянского языка, во втором — эволюцией его местной разновидности.

Имея в виду, что содержанием этой эволюции вплоть до XVII в. была смена языковых норм и стремление к их унификации [21. С. 37—42], можно выделить с учетом поступательного характера этой эволюции следующие типы замен в русских списках ЖАЮ:

1. Приобретая с развитием языка книжный или даже просторечный характер, слово заменяется в списке на соответствующий «литературный эквивалент (обратное невозможно)⁶. Например, греческое *δῆρον κολοφοῦλαξ* [22. S. 227] было переведено в ЖАЮ как *дара гузичного*, но в дальнейшем это словосочетание, видимо, стало восприниматься как нелитературное, и потому в списках оно исправляется на *дара проходного* или *дара содомьскаго*. В другом месте во фразе *смола се есть гузичная* (в соответствии с греческим *κολοφοῦλαξ δοξῆ ταῦτα εἶναι*) в списках читаются эвфемистические замены: *смола... мотыльная, смола... мотыльная дальних проходъ, смола... проходная, каль проходныи* и т. п. Писцами большинства списков ЖАЮ независимо друг от друга устранялось в тексте слово *говьно* (употреблено в переводе 11 раз) и заменялось на эвфемистическое *каль, мотыло* или *лаино*. Для переводчика XI—XII вв. это слово было явно нейтральным эквивалентом греч. *κότροξ*. В пергаменном списке ЖАЮ, относящемся к концу XIV в. (ЦГАДА, Тип. 182) и даже в копии с этого списка, датируемой концом XV в. (ГПБ, Сол. 216) это слово еще последовательно воспроизводит чтение протографа перевода. В то же время писец этого второго списка, при его несомненном уважении к переписываемому оригиналу, уже воспринимал слово *говьно* как неподобающее и потому, не позволяя себе вмешиваться в сам текст, 11 раз написал на полях в виде глоссы слово *каль*. Слово *смердѣти* заменяется в более поздних списках на *вонати*, а *вонати* в свою очередь — на *благоухати, вонч* — на *благоухание*;

⁵ От рассматриваемых далее лингвистических по своей природе замен следует отличать смысловые конъектуры, т. е. замены по контексту непонятных слов или написаний, искаженных вследствие ошибок, опусков или невнимательного прочтения антиграфа. Такие замены осуществлялись без обращения к греческому оригиналу и потому легко выявляются с его помощью. Например, из двух написаний в списках ЖАЮ *види же черныи друга своего осуждена быши* и ... *осужена быши* аутентичным является первое, так как в греческом тексте — ... *τῶν ἰσθῶν*. Отсутствие языковой мотивации делает эти конъектуры наиболее показательными и надежными в текстологическом отношении.

⁶ Ср.: «Замена высокими церковнославянских слов простыми русскими не была во вкусе книжников старого времени, мы обыкновенно наблюдаем замену простых слов высокими» [5. С. 135, прим. 2].

бласти 'дгать, пустословить' — на *гласолати*, *блуднѣ* 'дурные поступки' — на *дѣла*; *ищезе*, *ищезоста*, когда речь идет о Христе и ангелах, заменяются на *отиде*, *идвидима виста*, *отидоста*; *посать* заменяется на *желание* и т. д.

В рукописях в этих случаях часто видны следы редакторской цензуры: подскобленные и исправленные другой рукой буквы, зачеркивания, glossы на полях и т. п. Нередко в одном месте текста такое слово исправлено, а в другом оно не замечено и оставлено без исправления.

2. Архаические старославянские слова, вышедшие в ходе развития церковнославянского языка из активного книжного обихода или изменившие свое значение, заменяются более употребительными в языке писца данной рукописи (хотя, как правило, тоже старославянскими): *зобь* — *птица*, *похабь* — *породивши*, *жерело* — *гортань*, *болвань* — *идоль*, *влодь* — *влась*, *господь* ('господни, *деабоѣтъ*') — *господинь*, *прѣнебесны* (*длоурамос*) — *небесны*, *оудолѣти* — *одолюти*, *тепуть* — *виють* и т. п.

3. В связи с миграцией памятника региональные слова в нем заменяются общеупотребительными на всей территории функционирования древнеславянского языка: *кърста* — *ковчегъ*, *гольмо* — *много*, *грить* — *песь*, *видокъ* — *свѣдѣтель*, *дѣну* — *внутрь* и т. д. Следует подчеркнуть, что списки ЖАЮ не содержат ни одного примера замены общего для всех изводов древнеславянского языка слова на региональное¹.

4. Слово, приобретающее в языке писца экспрессивную окраску, может быть заменено на слово с нейтральной окраской. Например, писец может написать слово *наказати* вместо имеющегося в антиграфе пейоративного *нахати* 'наговорить оскорбительных слов, *ѣриѣтѣ*'; *женка*, *винце* может быть заменено на *жена*, *вино*, но не наоборот.

Эти четыре типа замен дают, кстати сказать, уникальный материал для семантической хронологии, позволяя датировать исчезновение того или иного слова из сферы книжного употребления, устанавливать время утраты им древнего значения или изменения стилистической характеристики и т. д.

5. Транслитерированное греческое слово может быть заменено на соответствующее славянское, но не наоборот. Если, например, писец видел в антиграфе слово *стема* (ср. *στέμα*), он мог заменить его на *вѣнецъ*. Но если в антиграфе было *вѣнецъ*, оно в обычной ситуации не заменялось на *стема*. Слово *стади* может быть заменено на *верста*, но не наоборот. Обратные замены встречаются крайне редко и только в тех случаях, когда заимствованное греческое слово уже более или менее освоено церковнославянским языком, как, например, слово *мюрисати*² (от греч. *μυρίζειν* 'благоухать'), которое было привлечено в редакции Б взамен аутентичного *вомаѣти* (в оригинале *εὐδοκῆν*).

6. Слово, обозначающее конкретный предмет, видовое понятие, может быть заменено на слово, обозначающее класс предметов, родовое понятие, но не наоборот. Например, если в списке было написано *покрылсѣ козичиноу своєю*, писец может заменить это на *покрылсѣ одежею своєю*, но слово *одежда* не может быть заменено на *козичина*.

Некоторые из перечисленных закономерностей действительно и для описания лексических замен, связанных с перенесением текста из одной славянской страны

¹ Ср. возражения А. А. Алексеева против гипотезы М. Альтбауэра и М. Таубе о южнославянском происхождении книги Есфирь и появлению в ней лексических восточнославянских элементов вследствие переработки текста на территории Древней Руси: «Интересно было бы знать, каковы были мотивы замены слов *каженикъ*, *скопыць*, предполагаемого южнославянского архаизма на *пшану* *багль* на *лелуся*, *темляга* или *аромать* на *кондиль*, то есть слов общезвестных на слова локальные и явно редкие? Каковы были мотивы введения древнерусских строевых элементов *обы*, *ать*, *даль* 'стѣ', *чому* 'почему', *оубе* 'о'?' [23, Р. 3]. Доказательством неадекватности подобных замен является отсутствие специфической восточнославянской лексики в древнерусской рукописи Изборник Святослава 1073 г., восходящей к болгарскому оригиналу X в.

² Употреблялось не только в церковной, но и в бытовой речи: *покрылсѣ одежею своєю* [23, Р. 3].

в другую. Например, чтение *скровище* в болгарском списке ЖАЮ (ГБЛ, ф. 236, № 93.2, 20-е голы XIV в.) по отношению к *корнавѣ* во всех древнерусских списках должно быть признано вторичным еще и согласно п. 5 (ср. *хорѣвъ* в греческом оригинале)³. Чтение *песь*, преобладающее в поздних списках ЖАЮ, по отношению к чтению *грить* в наиболее древних списках является, несомненно, вторичным, согласно п. 2 и 3, так как старое региональное восточно- или севернославянское слово *грить* [24, с. 41—42; 25, С. 27]; (Machek² 152; ЭССЯ. Вып. 7. С. 129) уже в XV в. даже некоторыми русскими писцами было незнакомо, о чем говорит исправления его на *грѣшникъ* (при этом в рукописи видны следы первоначального написания *грить*) или *исрѣць* (ср. *грить* в других списках и *жѣвъ* в оригинале), а также необходимость толкования его в русской редакции Хронографа 1512 г.: *грить... рехъте песь* (ПСРЛ. Т. 22, ч. 1, СПб., 1911. С. 321).

Учет этих закономерностей мог бы расширить возможности критики текста и существенно продвинуть реконструкцию словарного состава других, близких ЖАЮ по жанру⁴ и времени древнеславянских переводов в направлении их протографов в тех случаях, когда, в силу малочисленности сохранившихся списков, восстановить историю их текста оказывается невозможным.

Знание этих закономерностей не позволяет, например, согласиться с утверждением, что неоднократно употребляющиеся в большинстве списков древнейшего перевода Пандектов Никона Черногорца для обозначения денежных единиц слова *вѣверица* и *рѣзана* не принадлежат переводчику, а появились в результате замены якобы не вполне понятного русским писцам слова *мѣдница* ('оно встречается на месте слова *вѣверица* в одном сербском списке этого перевода)⁵. Во-первых, оснований для замены слова *мѣдница* у древнерусских писцов на самом деле не было. Многократно употребляющееся в евангельском тексте слово *мѣдница* было им не только понятно, о чем говорит его абсолютное последовательное сохранение в сотнях списков переписывавшихся на Руси богослужебных, богословских, церковно-правовых и других текстов, но и вполне усвоено и привычно — об этом свидетельствует употребление его по меньшей мере с XII в. в оригинальных древнерусских сочинениях (Кирилл Туровский) и использование его в русских азбуковниках для толкования названий мелких иностранных монет [28, С. 280, 293].

Важнее, однако, другое. В греческом оригинале приведенное в статье фрагмента Пандектов, говорится не об одной, а именно о двух денежных единицах: по просьбе благочестивого хозяина, его слуга ежедневно должен был незаметно красть у него для раздачи нищим пять фолій (*пѣтѣ фолѣс*), но, желая угодить праведнику, он брал нередко по десять фолій или одну тримисию (*тримѣсиа*).

³ Писец этого болгарского списка (или его предшественник) сравнительно свободно относился к переписываемому тексту, о чем говорит определенное количество пропусков, вставок и перефразирований, расходившихся с текстом греческого оригинала. Тем более показательным, что его индивидуальные лексические замены, отличавшие его от родственных ему списков (на схеме текстологической группы 3), не выходят за рамки перечисленных типов (ср. синонимические замены, ориентированные на болгарскую лексическую норму XIV в.: *чернецъ* — *черноризецъ*, *правъ* — *истиненъ*, *побѣжить* — *идолѣтъ*, *помилуй* — *прости*, *власть* — *иждѣсть* и, в частности, замена архаичных и региональных слов на более привычные для писца этого времени: *кляками* — *клетѣть*, *отан* — *таи*, *тѣла* — *пра*, *ци* — *идѣ*, *лыскарель* — *матикоу*, *года* — *потрѣба*, *оудѣлѣся* — *склабѣся* и др.).

⁴ Сходные выводы сделаны Ф. И. Фидиным на основании сопоставительного изучения лексикой различных списков «Повести временных лет» [26, С. 18—50]. Тем важнее отметить, что его утверждение о замене в списках «Повести временных лет» не только архаических, но и церковно-славянских слов разговорными (с. 21), находит в противоречии с констатируемой им здесь же (с. 28) «церковнославянизацией» лексики «Повести временных лет» в ее списках и не подкрепляется примерами. Нельзя согласиться и с выводом о том, что в этом памятнике «слова с общим значением заменяются терминами, имеющими специализированную семантику» (с. 31), основанном на единственном, притом ошибочно интерпретированном примере замены слова *лорты* на *рызы*.

⁵ См. [27, С. 105]. На этом допущении в работе строится предположение о южнославянском происхождении перевода и сделан вывод о том, что «древние восточнославянские книжники при копировании южно-славянских ПНЧ (Пандектов Никона Черногорца — А. М.)... вводили иногда и лексику, более понятную русскому читателю» [27, С. 108].

бласти 'дгать, пустословить' — на *гласолати*, *блуднѣ* 'дурные поступки' — на *дѣла*; *ицезе*, *ицезоста*, когда речь идет о Христе и ангелах, заменяются на *отиде*, *идвидима виста*, *отидоста*; *посать* заменяется на *желание* и т. д.

В рукописях в этих случаях часто видны следы редакторской цензуры: подскобленные и исправленные другой рукой буквы, зачеркивания, glossы на полях и т. п. Нередко в одном месте текста такое слово исправлено, а в другом оно не замечено и оставлено без исправления.

2. Архаические старославянские слова, вышедшие в ходе развития церковнославянского языка из активного книжного обихода или изменившие свое значение, заменяются более употребительными в языке писца данной рукописи (хотя, как правило, тоже старославянскими): *зобь* — *птица*, *похабь* — *породивши*, *жерело* — *гортань*, *болвань* — *идоль*, *влодь* — *влась*, *господь* ('господни, *деобѣтъ*') — *господинь*, *прѣнебеснѣ* (*ελουράμος*) — *небеснѣ*, *оудѣлѣти* — *одоульти*, *тепуть* — *виють* и т. п.

3. В связи с миграцией памятника региональные слова в нем заменяются общеупотребительными на всей территории функционирования древнеславянского языка: *кърста* — *ковчегъ*, *гольмо* — *млодо*, *гречь* — *песь*, *видокъ* — *свѣдѣтель*, *дѣну* — *внутрь* и т. д. Следует подчеркнуть, что списки ЖАЮ не содержат ни одного примера замены общего для всех изводов древнеславянского языка слова на региональное¹.

4. Слово, приобретающее в языке писца экспрессивную окраску, может быть заменено на слово с нейтральной окраской. Например, писец может написать слово *наказати* вместо имеющегося в антиграфе пейоративного *накаати* 'наговорить оскорбительных слов, *ѡриѣлѣв'*; *женка*, *винце* может быть заменено на *жена*, *вино*, но не наоборот.

Эти четыре типа замен дают, кстати сказать, уникальный материал для семантической хронологии, позволяя датировать исчезновение того или иного слова из сферы книжного употребления, устанавливать время утраты им древнего значения или изменения стилистической характеристики и т. д.

5. Транслитерированное греческое слово может быть заменено на соответствующее славянское, но не наоборот. Если, например, писец видел в антиграфе слово *стема* (ср. *στέμα*), он мог заменить его на *вѣнецъ*. Но если в антиграфе было *вѣнецъ*, оно в обычной ситуации не заменялось на *стема*. Слово *стади* может быть заменено на *верста*, но не наоборот. Обратные замены встречаются крайне редко и только в тех случаях, когда заимствованное греческое слово уже более или менее освоено церковнославянским языком, как, например, слово *мюрисати*² (от греч. *μυρίζειν* 'благоухать'), которое было привлечено в редакции Б взамен аутентичного *вомаѣти* (в оригинале *εὐδοεῖν*).

6. Слово, обозначающее конкретный предмет, видовое понятие, может быть заменено на слово, обозначающее класс предметов, родовое понятие, но не наоборот. Например, если в списке было написано *покрылѣ козичиноу своєю*, писец может заменить это на *покрылѣ одежею своєю*, но слово *одежда* не может быть заменено на *козичина*.

Некоторые из перечисленных закономерностей действительно и для описания лексических замен, связанных с перенесением текста из одной славянской страны

¹ Ср. возражения А. А. Алексеева против гипотезы М. Альтбауэри и М. Таубе о южнославянском происхождении книги Есфирь и появлению в ней лексических восточнославянизмов вследствие переработки текста на территории Древней Руси: «Интересно было бы знать, каковы были мотивы замены слов *каженикъ*, *скопыць*, предполагаемого южнославянского архаизма на *пшану* *багль* на *лелдусъ*, *темлягъ* или *аромать* на *кондѣли*, то есть слов общезвестных на слова локальные и явно редкие? Каковы были мотивы введения древнерусских строевых элементов *обы*, *ать*, *даль* 'стѣ', *чому* 'почему', *оубѣ* 'о'?' [23, Р. 3]. Доказательством неадекватности подобных замен является отсутствие специфической восточнославянской лексики в древнерусской рукописи Изборникъ Святослава 1073 г., восходящей к болгарскому оригиналу X в.

² Употреблялось не только в церковной, но и в бытовой речи: *покрылѣ козичиноу своєю* [23, Р. 3].

в другую. Например, чтение *скровище* в болгарском списке ЖАЮ (ГБЛ, ф. 236, № 93.2, 20-е голы XIV в.) по отношению к *корнавѣ* во всех древнерусских списках должно быть признано вторичным еще и согласно п. 5 (ср. *хорѣвъ* в греческом оригинале)³. Чтение *песь*, преобладающее в поздних списках ЖАЮ, по отношению к чтению *гречь* в наиболее древних списках является, несомненно, вторичным, согласно п. 2 и 3, так как старое региональное восточно- или севернославянское слово *гречь* [24, с. 41—42; 25, С. 27]; (Machek² 152; ЭССЯ. Вып. 7. С. 129) уже в XV в. даже некоторыми русскими писцами было незнакомо, о чем говорит исправления его на *грѣшникъ* (при этом в рукописи видны следы первоначального написания *гречь*) или *исгрѣць* (ср. *гречь* в других списках и *жѡвъ* в оригинале), а также необходимость толкования его в русской редакции Хронографа 1512 г.: *гречь... рехъте песь* (ПСРЛ. Т. 22, ч. 1, СПб., 1911. С. 321).

Учет этих закономерностей мог бы расширить возможности критики текста и существенно продвинуть реконструкцию словарного состава других, близких ЖАЮ по жанру⁴ и времени древнеславянских переводов в направлении их протографов в тех случаях, когда, в силу малочисленности сохранившихся списков, восстановить историю их текста оказывается невозможным.

Знание этих закономерностей не позволяет, например, согласиться с утверждением, что неоднократно употребляющиеся в большинстве списков древнейшего перевода Пандектов Никона Черногорца для обозначения денежных единиц слова *вѣверица* и *рѣзана* не принадлежат переводчику, а появились в результате замены якобы не вполне понятного русским писцам слова *мѣдница* ('оно встречается на месте слова *вѣверица* в одном сербском списке этого перевода)⁵. Во-первых, оснований для замены слова *мѣдница* у древнерусских писцов на самом деле не было. Многократно употребляющееся в евангельском тексте слово *мѣдница* было им не только понятно, о чем говорит его абсолютное последовательное сохранение в сотнях списков переписывавшихся на Руси богослужебных, богословских, церковно-правовых и других текстов, но и вполне усвоено и привычно — об этом свидетельствует употребление его по меньшей мере с XII в. в оригинальных древнерусских сочинениях (Кирилл Туровский) и использование его в русских азбуковниках для толкования названий мелких иностранных монет [28, С. 280, 293].

Важнее, однако, другое. В греческом оригинале приведенное в статье фрагмента Пандектов, говорится не об одной, а именно о двух денежных единицах: по просьбе благочестивого хозяина, его слуга ежедневно должен был незаметно красть у него для раздачи нищим пять фолій (*πέντε φόλλεις*), но, желая угодить праведнику, он брал нередко по десять фолій или одну тримисию (*τριμισία*).

³ Писец этого болгарского списка (или его предшественник) сравнительно свободно относился к переписываемому тексту, о чем говорит определенное количество пропусков, вставок и перефразирований, расходившихся с текстом греческого оригинала. Тем более показательным, что его индивидуальные лексические замены, отличавшие его от родственных ему списков (на схеме текстологической группы 3), не выходят за рамки перечисленных типов (ср. синонимические замены, ориентированные на болгарскую лексическую норму XIV в.: *чернець* — *черноризецъ*, *правъ* — *истиненъ*, *побѣжить* — *идольтъ*, *помилуй* — *прости*, *власть* — *иждать* и, в частности, замена архаичных и региональных слов на более привычные для писца этого времени: *клякати* — *клевѣтати*, *отан* — *таи*, *тѣла* — *пра*, *ци* — *идѣ*, *лыскарель* — *мотилово*, *года* — *потрѣба*, *оудѣлѣхъ* — *склабѣ* и др.).

⁴ Сходные выводы сделаны Ф. П. Филиным на основании сопоставительного изучения лексикой различных списков «Повести временных лет» [26, С. 18—50]. Тем важнее отметить, что его утверждение о замене в списках «Повести временных лет» не только архаических, но и церковно-славянских слов разговорными (с. 21), находит в противоречии с констатируемой им здесь же (с. 28) «церковнославянизацией» лексики «Повести временных лет» в ее списках и не подкрепляется примерами. Нельзя согласиться и с выводом о том, что в этом памятнике «слова с общим значением заменяются терминами, имеющими специализированную семантику» (с. 31), основанном на единственном, притом ошибочно интерпретированном примере замены слова *лорты* на *рызы*.

⁵ См. [27, С. 105]. На этом допущении в работе строится предположение о южнославянском происхождении перевода и сделан вывод о том, что «древние восточнославянские книжники при копировании южно-славянских ПНЧ (Пандектов Никона Черногорца — А. М.)... вводили иногда и лексику, более понятную русскому читателю» [27, С. 108].

Во всех древнерусских списках в соответствии с фоллиями употребляется слово *сѣверица*, а название более крупной монеты тридцати передается словом *рѣзана*. И как раз вполне очевидно, что это писец сербского списка заменил региональное по значению слово *сѣверица* на общее древнеславянское *мѣдница*, а для слова *рѣзана* не нашел соответствия, но, вероятно, зная, что одна резана по денежному достоинству равнялась трем сѣверцам [29. С. 39], вместо фразы *по рѣзанѣ красни* написал *по 7. ста красни*. Представить обратное здесь гораздо труднее.

На первичность текста древнерусских списков по отношению к сербскому указывает и то, что греч. *δέκα δέκα* 'по десять' передано в древнерусских списках по недоразумению переводчика буквально *десять десять* (в других списках *П*), а писец сербского списка, очевидно, желая устранить нелепость, суммировал эти числительные и вывел *.к.* вопреки содержанию текста¹². Приведенные отрывки содержат и другие примеры зависимости текста сербского списка от текста восточнославянских списков, а не наоборот (например, чтение *ико ветхыи и роздранои соужнямыи покрывати сѧ одъвалои* явно первично по отношению к чтению *ико ветхую и роздраною шдеждею покрывати се*, а не наоборот: ср. выше п. б).

Следующим шагом в направлении территориальной атрибуции перевода является соотнесение лексики его протографа с определенной славянской языковой областью.

И здесь внимание должно быть обращено в первую очередь на приведенные А. И. Соболевским категории слов, как наиболее бесспорные в указанном отношении. К их числу в ЖАЮ относятся слова *верста* в специфически русском значении 'мера длины', *жельчугъ* (относительно позднее алтайское заимствование в древнерусский [30. С. 94—100; 31]), *горета* 'гроб' (локальное заимствование в древнерусский из эстонского (Фасмер. Т. 2. С. 225; SKES, Bd. 1. S. 200), *коверъ* (Фасмер. Т. 2. С. 270—271; ср. болг. *губер*), *лошадь* (заимствование в русский из тюркского; Фасмер. Т. 2. С. 525—526; 25. С. 54).

Эти слова представлены во всех редакциях древнейшего перевода памятника и, значит, принадлежат его протографу. Несмотря на их малочисленность — ибо возможность проникновения подобных слов в язык перевода была существенно ограничена содержанием произведения и требованиями древнеславянской литературной нормы — они являются достаточным основанием для вывода о древнерусском происхождении этого перевода ЖАЮ.

Кроме того, за пределами этих трех категорий слов остается значительный объем лексики, которая также могла бы быть использована в качестве атрибутирующей при определении места создания перевода.

Интерес в данном случае представляют слова, принадлежность которых к той или иной территориальной разновидности древнеславянского языка может быть подтверждена данными оригинальных, т. е. созданных на данной территории сочинений и/или отражением их в местных диалектах при отсутствии их в письменных памятниках и диалектах других областей славянского мира.

Выделение таких слов всегда сопряжено, конечно, с определенными затруднениями ввиду недостаточности имеющихся данных по славянской диалектной, исторической и этимологической лексикологии и особенно крайней бедности сведений об истории слов. Не следует, однако, недооценивать значительный прогресс, достигнутый в этой области за последние десятилетия, особенно в лексикографировании слов на первую часть алфавита. Новые данные позволяют критически пересмотреть представления о региональной принадлежности одних слов¹³, в то же время открывая эти качества у других.

¹² Приношу благодарность А. А. Пичадзе за помощь в прочтении этого места.

¹³ Например, из числа почти 200 выписанных И. И. Срезневским по разным спискам ЖАЮ слов, показавшихся по его мнению, в частности, и для констатации древнерусского происхождения перевода [32], 8 принадлежат более поздним редакциям, а не менее 140 встречаются не только в древнерусских источниках, но и в старославянских и староболгарских памятниках и/или южнославянских диалектах.

Надежность выводов при этом может быть значительно повышена, если не ограничиваться единичными наблюдениями, а обратиться к системному лексическому анализу произведения.

С этой целью в памятнике прежде всего необходимо выделить и исключить из дальнейшего рассмотрения лексику, известную по «каноническим» старославянским рукописным книгам и фрагментам X—XI вв. (см., например, [33; 34]) или представленную в более поздних списках памятников кирилло-мефодиевской или сimeoновской эпохи [35; 36; 37; 38], — поскольку пока не ясно отношение содержащегося в этих списках лексического материала, внесенного позднейшими (чаще всего русскими) переписчиками и редакторами, к аутентичному словарному составу. Исключается также общеславянская лексика памятника, не нашедшая, по тематическим причинам, отражения в старославянских источниках (*грыжа*, *низина*, *отъгребати* 'выкапывать' и т. п.), и кроме того, которые не зафиксированные в словарях производные слова, образованные от общеславянских корней по стандартным общеславянским словообразовательным моделям с тривиальным словообразовательным значением, даже если они встретились только в ЖАЮ, как, например, *запощыи* (ср. *запоща*), *отмолитисѧ* 'закончить молитву' и т. п. Исключение необходимо сделать только для некоторых регионально противопоставленных приставочных образований на *вы-* /*из-* [39; 40], *пере-/пре-* [41].

Анализ лексического материала ЖАЮ, оставшегося за вычетом этих категорий слов, показывает, что в аутентичном словарном составе ЖАЮ нет ни одного слова, которое было бы связано только с южнославянской территорией и не проявляло себя так или иначе в севернославянской языковой зоне¹⁴.

Напротив, здесь представлен, во-первых, ряд слов, имеющих преимущественно севернославянское распространение и за пределами северного славянства известных только в отдельных южнославянских языках, но отсутствующих в других. Например, встречаются в сербохорватском и/или словенском, но отсутствуют в болгарских памятниках и диалектах и современном болгарском такие известные на территории северных славян слова, как *батогъ* 'палка' (бѣдогъ) (SP. Т. 1. S. 195; ЭССЯ. Вып. 1. С. 65—166), *богалишь* 'дурак, слабоумный' (бѣгѣльцъ) (см. *ишь: ЭССЯ. Вып. 15. С. 156), *богалишии* 'слабоумие' (вѣгѣльцѣ) (Фасмер. Т. 1. С. 272; Machek ' 555), *видокъ* 'свидетель' (РСА. Д. II. С. 595), *возникъ* 'возничий' (РСА. Д. II. С. 756), *глубныи* 'глубинный' (ЭССЯ. Вып. 6. С. 144), *диковъ* 'дикий, свирепый' (дѣлѣтѣицѣ) (SP. Т. 3. S. 206, ЭССЯ. Вып. 7. С. 32), *дѣтки* (дѣтѣца) (SP. Т. 3. S. 173; ЭССЯ. Вып. 5. С. 16), *поневаже* 'с тех пор как' (ѣѣже) (Machek ' 471), *садьо* рана' (хонтра) (Skok. Knj. IV. S. 184), *скупощи* скупость' (хмѣлюмево) (Skok. Knj. IV. S. 273), *хвостъ* (ЭССЯ. Вып. 8. С. 133) и др.

Во-вторых, несколькими десятками исчисляются в этом памятнике слова, характерные только для севернославянских языков. Например, слова *брѣзгати*, *брѣзговати* *обрѣзгати* (и пси брѣзгають тобою, дралѣтѣвоути; брѣзгающе проклинаху его, мѣлатѣвоути; брѣзгающе и ненавидѣщи смрада грѣховнаго, мѣоуцѣнѣ; палищами мѧ, ико пса, ѡсѣоуахѣ ѡ себе, обрѣзгающе, ѡделѣвоуевоу) широко представлены в русских и украинских диалектах, а также в польском (*obrzazgać, obrzygać*), отчасти чешском (диал. зап.-морав. *brěstat mlěko* 'подмешивать воду в молоко'). Исходное славянское *brězgb имеет ближайшие фоне-

¹⁴ В этом переводе ЖАЮ есть, правда, довольно значительное количество слов, которые не встречаются в других древнеславянских источниках (*возрѣвали*, *травнитисѧ*, *дѣтѣубъ*, *капальникъ*, *мухавъ*, *мухави*, *мухавица*, *напросити*, *напрыжнѣти*, *наусица*, *небожыи*, *нежаба*, *нежаю*, *осужельши*, *отыдѣсти* и др.). Однако прозрачность их этимологии и наличие в древнеславянских памятниках однокоренных слов не оставляет сомнений в их принадлежности общеславянскому лексическому фонду и/или общему словарю древнеславянского литературного языка.

тмисские и семантические соответствия в норв. *brisk* 'горький вкус', *briskost* 'горький, терпкий' (SP. Т. 1. С. 375—376; ЭССЯ. Вып. 3. С. 8—19).

К числу севернославянских регионализмов относятся в ЖАЮ также слова *божница* 'церковь, часовня' (SP. Т. 1. С. 345; ЭССЯ. Вып. 2. С. 229), *боженка* 'церковка, часовня', *божничьина* 'церковный', *сричь*, *дзвѣраштити* 'осведомляться' (дзвѣраштити), *ладьнѣ* 'подобен' (ЭССЯ. Вып. 14. С. 12), *нажадатисѣ* 'сильно или долго желать, заждать' (ѣдѣцѣи) (СРНГ. Вып. 19. С. 265), *напросити* 'просить' (ѣтѣи) (СРНГ. Вып. 20. С. 102), *осладище* 'бревню' (ѣрѣржа) (ср. морав. *осладъ* 'перекладина (креста)' (SJS, Seš. 23. S. 565), русск. *ослядь*, *оследь* (Фасмер. Т. 3. С. 161; СРНГ. Вып. 24. С. 21—22), *староста* (Фасмер. Т. 3. С. 747), *старостьство*, *трѣластькѣ* 'обезьяна' (дѣдѣиоу) (Фасмер. Т. 4. С. 99), союз *абы* в значении 'лишь бы, только бы, хотя бы' (SP. Т. 1. С. 148—149; ЭССЯ. Вып. 1. С. 35) и др.

В то же время отсутствие в этом памятнике специфической западнославянской лексики, которая не была бы засвидетельствована в древнерусской оригинальной письменности или диалектах, заставляет отказаться от предположения о возможности создания этого перевода на чехо-моравской территории.

Эта возможность, строго говоря, была бы не исключена, если бы в переводе не было некоторого количества слов, характерных для восточнославянских и южнославянских языков, но отсутствующих в западнославянских и в словенском (например, *рѣстати* [45. С. 24]), а также слов, относящихся сугубо к восточнославянской языковой истории. Древними восточнославянскими диалектизмами являются в ЖАЮ существительные *горшоукъ* (и производное *горшечекъ*), *коверъ*, *лошадъ*, *охрита*, *покроуа*, *портки*, *псѣмхатель*, *приръзъ* 'ростовщичество', *рѣть* 'копыто', *скалушь* 'лука', *устыи*; вероятно, также *жирва* 'жизнь', *оби* 'дубинка', *подъкладъ* и др.; глаголы *клекати* 'сильно стучать, биться', *кольтисѣ* 'цепенеть', *ладевати* 'испражняться' [43. Р. 295; 44. С. 254—257], *скрипѣти* 'скрипеть', *крити* 'купить', *ширѣтисѣ* 'простираться'; нар. *надоби*, мест. *почему шѣр ѣ* и др.

Сравнительно небольшое количество слов дает, кажется, некоторые основания полагать, что перевод связан с северо-западной частью восточнославянской территории. Эти слова неизвестны украинским диалектам, но сохранились в русском языке и/или его диалектах и отчасти представлены в белорусском; близок 'родственник, свойственник' (SP. Т. 1. С. 267; ЭССЯ. Вып. 1. С. 120), *верста* в значении 'мера длины', *грунь* и производное *груница* (название быстрого аллюра или быстрой ходьбы: СРНГ. Вып. 7. С. 169; ЭССЯ. Вып. 7. С. 148), встретилось в тексте 4 раза; *приде...* *груницею* *ѣрже*; *ходити...* *груницею*; *начѣ рѣстати* *груницею* *бѣзѣи* *ѣрже*; *идуца* *груницею* *бѣзѣи*; *жемчугъ*, союз *ино* 'и', *керста*, *пуще* 'больше', *силѣ* 'насилие', *троквище* 'кусок ткани'; возможно, также *позовникъ* 'возничий'.

Приведенные факты вполне согласуются с экстралингвистическими данными, прежде всего — с особенностями рукописной традиции этого древнейшего перевода ЖАЮ. Для отождествления его родины с территорией Древней Руси веские основания дает, во-первых, абсолютное преобладание в его рукописной традиции списков, относящихся к восточнославянской области (более 200 списков) при ничтожно малом количестве (три отрывка) южнославянских списков.

Существенно, во-вторых, что спустя короткое время после создания этого перевода он получил широкое отражение в статьях русского Пролога [46. С. 242—263].

Наконец, особое значение для локализации перевода имеет близкое к нему хронологически и прямым образом зависимое от него событие — установление на Руси праздника Покрова Богородицы [47. Вып. 11. С. 405—425; 48; 49; 18], который и в дальнейшем, несмотря на официальное закрепление его в церковной практике других православных народов, остался по преимуществу русским праздником.

СОКРАЩЕНИЯ

- БТР — Андрейчин Л. и др. Български тълковен речник. София, 1955.
- Геров — Геров Н. Рѣчникъ на български языкъ, I—V. Пловдив, 1895—1904.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РСА — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. I—XIV. Београд, 1959—1989.
- СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—18. М., 1975—1992.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—27. Л., 1966—1992.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—IV. М., 1986.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Прагославянский лексический фонд. Вып. 1—19. М., 1974—1992.
- Machek¹ — Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Machek² — Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Т. 1—4. Praha, 1959—1992.
- Skok — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1—IV. Zagreb, 1971—1974.
- SP — Słownik prasłowiański. Т. 1—VI. Wrocław etc., 1974—1991.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Tschizewskij D. Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1948.
2. Obolensky D. The Heritage of Cyril and Methodius in Russia//Dumbarton Oaks Papers. 19 (1965).
3. Lunt H. On Interpreting the Russian Primary Chronicle: the Year 1037//Slavic and East European Journal. Т. 32. 1988. P. 251—264.
4. Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии//Сб. ОРЯС. Т. 88, № 3. СПб., 1910.
5. Соболевский А. И. История русского литературного языка. Изд. подгот. А. А. Алексеев. Л., 1980.
6. Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т. 1—4 (№ 1—91)//Сб. ОРЯС. Т. 1, 12, 15, 20, 22. 1867—1881.
7. Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.
8. Thomson F. Quotations of Patristic and Byzantine Works by Early Russian Authors as an Indication of the Cultural Level of Kievan Russia//Slavica Gandensia, 10 (1983). P. 65—102.
9. Thomson F. The Implication of the Absence of Quotations of Untranslated Greek Works in Original Early Russian Literature, Together with a Critique of a Distorted Picture of Early Bulgarian Culture//Slavica Gandensia, 15 (1988). P. 63—91.
10. Bräuer H. Untersuchungen zum Konjunktiv im Altkirchenslavischen und im Altrussischen. Teil I: Die Final- und abhängigen Heischsätze (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen u. Literaturen der Ostwestfalen-Institut an der Freien Universität Berlin. Bd. 11). Wiesbaden, 1957.
11. Bräuer H. Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur (Der Wert syntaktischer Beobachtungen für die Bestimmung der altrussischen Übersetzungsliteratur)//Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. 27, Hft. 2. Heidelberg, 1959. S. 322—347.
12. Бройдер Г. Значение синтаксических наблюдений для определения оригиналов древнерусской переводной литературы//IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. II. М., 1962. С. 248—250.
13. Мещерский Н. А. Выступление по докладу Г. Бройдера «Значение синтаксических наблюдений для определения оригиналов древнерусской переводной литературы»//IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. II. С. 261—262.